Наследие Тьмы

Книга №2

Александр Фрост

Наследие тьмы 2. Тени Ордена

«Автор»
2026

Фрост А.

Наследие тьмы 2. Тени Ордена / А. Фрост — «Автор», 2026

Александр Дренмор прибывает в столицу, чтобы поступить в Академию Равновесия — самое закрытое и престижное учебное заведение Ордена.Здесь, среди белого камня и древних статуй, кипит настоящий змеиный двор. Родовитость важнее таланта, покровительство магистров ценнее чести, а за спиной каждого улыбающегося аристократа может скрываться кинжал. Провинциальный наследник «угасшего» рода становится удобной мишенью для насмешек и интриг. Особенно для тех, кто уже однажды посылал к нему убийц.Но Александр — не просто одарённый юноша. В нём живёт тысячелетний Архимаг Тьмы, и он умеет ждать. Он тщательно скрывает истинный масштаб своей силы, изучает негласные правила Академии и шаг за шагом вплетается в паутину столичных связей.Вскоре становится ясно: заговор, начавшийся с покушения в родовом поместье, уходит куда глубже. Кто-то из самых влиятельных магистров Ордена ищет легендарный артефакт — Сердце Извечной Тьмы

© Фрост А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Змеиный двор 5
Глава 2. Правила игры 11
Глава 3. Уроки тьмы в свете дня 17
Глава 4. Первый удар 24
Глава 5. Тень из прошлого 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Наследие тьмы 2. Тени Ордена

Глава 1. Змеиный двор

Дорога до столицы заняла восемь дней — достаточно долгий срок, чтобы Александр успел не единожды пожалеть о собственном решении, и одновременно достаточно короткий, чтобы не успеть окончательно передумать.

Восемь дней тряски в карете, пропахшей пылью и лошадиным потом, ради сомнительного удовольствия провести ближайшие годы в компании тех самых людей, что несколько месяцев назад послали ко мне пятерых профессиональных убийц. Знаешь, — мысленно обратился он к Хранителю, — временами я всерьёз задумываюсь, не растерял ли я за тысячу лет остатки здравого смысла.

«Скорее, — донёсся в ответ характерный, слегка ироничный тон артефакта, — ты просто следуешь той же логике, что двигала тобой на протяжении всей прежней жизни: держать врага ближе, чем друзей, и извлекать выгоду из любой, даже самой рискованной ситуации. Не могу сказать, что одобряю подобную стратегию безоговорочно, но вынужден признать в ней определённую последовательность».

Последовательность, безусловно. Мудрость — вопрос куда более спорный.

Разговор с дедом, состоявшийся за неделю до отъезда, до сих пор отчётливо звучал в памяти Александра — не столько сами слова, сколько тон, каким они были произнесены: тон человека, доживающего последние месяцы своей жизни и потому лишённого привычной осторожности, свойственной большинству советов, что дают заботливые родственники.

«Ты можешь спрятаться здесь, в поместье, — сказал тогда дед, — окружить себя стражей, магическими барьерами, всеми доступными мерами предосторожности. И проживёшь так, возможно, весьма долгую и относительно спокойную жизнь. Но враг, единожды напавший и потерпевший неудачу, не остановится — он лишь станет осторожнее, будет ждать более удобного момента, действовать более изощрённо. А ты, мальчик, так и останешься сидеть в этой золотой клетке, гадая, откуда прилетит следующий удар».

«Или, — продолжил дед, слабо, но твёрдо сжимая руку внука своими исхудавшими пальцами, — ты можешь пойти навстречу опасности сам, на собственных условиях, вместо того чтобы дожидаться, пока опасность придёт к тебе. Поступление в академию Ордена — не просто способ получить образование. Это способ узнать врага изнутри, обрасти связями, которые впоследствии окажутся куда полезнее любой стены или отряда стражи».

Мудрый совет от человека, никогда не практиковавшего искусство войны на том масштабе, что довелось освоить мне за тысячу лет предыдущего существования. И тем не менее — совет, полностью созвучный моей собственной интуиции.

Столица, показавшаяся на горизонте на исходе восьмого дня пути, поразила Александра масштабом — даже с учётом воспоминаний о величайших городах его прошлой, тысячелетней давности жизни. Каменные стены, окружавшие город на протяжении многих миль, шпили храмов и башен Орденов, вздымающиеся над скоплением крыш, точно каменные копья, нацеленные в самое небо, и то особое, характерное для крупных городских центров ощущение — плотная, почти осязаемая концентрация амбиций, интриг и власти, витающая в воздухе наравне с запахом дыма от бесчисленных очагов.

Внушительно, признаю. Хотя, разумеется, куда скромнее моей прежней столицы — но, полагаю, за минувшую тысячу лет мои стандарты в отношении архитектурного величия успели изрядно завыситься.

Карета, миновав главные городские ворота после недолгой, но тщательной проверки документов — формальность, пройденная благодаря заранее подготовленным дедом реко-

мендательным письмам, подтверждающим статус и происхождение молодого наследника рода Дренмор, — медленно продвигалась по оживлённым улицам столицы в направлении дальнего, аристократического квартала, где, согласно полученным сведениям, располагалась Академия Равновесия — закрытое учебное заведение при Ордене Хранителей Равновесия, куда Александру предстояло поступить.

Само здание Академии, представшее перед его взглядом спустя ещё почти час пути, оказалось именно тем, что он предполагал увидеть, судя по немногочисленным описаниям, почерпнутым из справочников родовой библиотеки: величественный, отчасти пугающий своей монументальностью комплекс из белого камня, украшенный многочисленными статуями и барельефами, изображающими символику Ордена — переплетённые чаши весов, обрамлённые магическими рунами равновесия между различными школами колдовства.

Красиво. Однако красота, как известно, редко служит надёжным индикатором истинной природы обитателей подобных мест.

Приёмная комиссия — три немолодых магистра, восседавших за длинным столом в просторном зале с высокими сводчатыми потолками, — встретила его с той формальной, отточенной вежливостью, что свойственна людям, за долгие годы службы повидавшим бесчисленное множество претендентов на поступление и давно утратившим искренний интерес к судьбе каждого отдельного юноши, проходящего через их кабинет.

— Александр Дренмор, — произнёс старший из магистров, сверяясь с лежащими перед ним документами, — наследник провинциального рода, рекомендован главой рода в связи с проявленным магическим даром. молодой человек, — он окинул Александра оценивающим взглядом, — ваша заявка привлекла определённое внимание уже на этапе рассмотрения. Не каждый провинциальный аристократ обладает достаточной силой и подготовкой, чтобы претендовать на поступление в столь позднем возрасте, минуя обычный путь через младшие ступени обучения.

Ах, вот оно что. слухи о недавних событиях в поместье — включая разгром пятерых профессиональных бойцов Гильдии — всё же достигли ушей академического руководства, пусть даже в искажённой, приукрашенной форме.

— магистр, — Александр позволил себе скромную, тщательно отмеренную улыбку, — последние месяцы моей жизни оказались богаты на события, вынудившие меня куда быстрее обычного развить те скромные способности, которыми наделила меня природа.

Магистр слегка приподнял бровь, явно уловив в этих словах определённую недосказанность, но, судя по всему, решил не углубляться в подробности прямо сейчас, ограничившись коротким, деловым кивком.

— в таком случае перейдём непосредственно к вступительному испытанию. Стандартная процедура для всех претендентов, вне зависимости от происхождения и рекомендаций.

Испытание, проведённое в отдельном зале, специально оборудованном для оценки магических способностей претендентов, оказалось куда менее сложным, чем Александр предполагал изначально — простые тесты на восприимчивость к различным школам магии, базовую концентрацию и контроль над собственными резервами. Он, разумеется, тщательно скрывал истинный масштаб своих способностей, демонстрируя ровно столько силы, сколько было бы разумно ожидать от одарённого, но всё ещё формирующегося юного мага — достаточно, чтобы впечатлить экзаменаторов, но недостаточно, чтобы вызвать чрезмерные подозрения относительно истинной природы его дара.

Забавное упражнение — намеренно сдерживать собственные возможности, притворяясь скромнее, чем являешься на самом деле. за тысячу лет мне куда чаще доводилось делать обратное.

Единственный момент испытания, вызвавший у Александра искреннюю тревогу, наступил, когда один из экзаменаторов — молодая, но, судя по манере держаться, весьма опытная и

проницательная магесса — попросила его продемонстрировать базовое заклинание из области его основной специализации.

— Какова ваша основная магическая школа, молодой человек? — спросила она, изучая его с тем особым, внимательным прищуром, что заставил Александра невольно напрячься.

Вопрос, ответ на который требует крайней осторожности. Признание в принадлежности к тьме, пусть даже формально забытой и полулегальной, но не запрещённой напрямую, могло бы вызвать нежелательное внимание задолго до того, как я успею освоиться в новой среде.

— магесса, — произнёс он медленно, тщательно подбирая слова, — мой дар проявляет некоторую… неопределённость в отношении конкретной специализации. Родовые архивы упоминают о давнем, почти забытом наследии, связанном с искусством теней и манипуляции жизненной энергией — но я, только начинаю систематически изучать собственные возможности в этом направлении.

Магесса нахмурилась, обмениваясь быстрым, многозначительным взглядом с одним из коллег.

— Искусство теней, — повторила она медленно. — Любопытная формулировка. Вы намекаете на принадлежность к школе некромантии, или речь идёт о чём-то ином?

Осторожнее. Некромантия — школа, признанная и практикуемая открыто, пусть и с определённой долей общественного предубеждения. Тьма же — совершенно иная категория, куда более опасная для откровенного признания.

— Не совсем некромантия в классическом понимании, — Александр покачал головой, стараясь, чтобы голос звучал с непринуждённой, почти извиняющейся неуверенностью юноши, ещё не до конца разобравшегося в собственных способностях. — Скорее нечто смежное, затрагивающее манипуляцию энергией жизни и тени в более широком смысле. я надеялся, что академическое обучение поможет мне лучше систематизировать и понять природу собственного дара.

Магесса, к некоторому облегчению Александра, судя по всему, приняла подобное объяснение за чистую монету — не самая невероятная ситуация для юноши, выросшего вдали от столицы, лишённого доступа к качественному раннему магическому образованию.

— — произнесла она наконец, делая пометку в лежащих перед ней документах, — в таком случае рекомендую записаться на вводный курс общей теории магических школ, где преподаватели помогут вам точнее определить истинную природу вашего дара, прежде чем переходить к специализированному обучению.

Прекрасно. Задержка, дающая мне дополнительное время осмотреться в новой обстановке, прежде чем окончательно определиться со стратегией дальнейшего поведения.

Испытание завершилось благополучно — Александр был официально зачислен в число студентов Академии Равновесия, получив стандартный набор документов, расписание вводных занятий и, что немаловажно, ключ от отведённой ему комнаты в одном из студенческих корпусов.

Первое по-настоящему яркое впечатление о царящей в стенах Академии атмосфере Александр получил уже на следующий день, во время общего собрания для новых студентов — церемонии, призванной, по официальной версии, познакомить вновь прибывших с правилами и традициями учебного заведения, но на деле обернувшейся куда более показательным демонстрационным полем для сложной, многослойной иерархии, царящей среди столичной аристократической молодёжи.

Просторный зал собраний, украшенный многочисленными знамёнами различных дворянских домов, чьи представители обучались в Академии на протяжении многих поколений, гудел приглушёнными разговорами — юноши и девушки, облачённые в дорогие, тщательно

подобранные наряды, разбивались на небольшие группы, определяемые, судя по всему, куда более сложными критериями, нежели простое случайное знакомство.

Иерархия, выстроенная задолго до моего появления, где каждый уже занял своё место, определённое статусом рода, финансовым положением семьи и, вероятно, десятками иных факторов, недоступных для мгновенного анализа постороннему наблюдателю. придётся разбираться в этой сложной паутине связей методом наблюдения и осторожных проб.

Он занял место в задних рядах зала, намеренно избегая привлечения излишнего внимания, и принялся внимательно изучать окружающую обстановку — привычка, отточенная тысячелетней практикой оценки любой новой, потенциально опасной среды.

— Новичок, — раздался вдруг голос совсем рядом, и Александр, обернувшись, обнаружил подле себя молодого человека примерно его же возраста, облачённого в мантию с гербом, показавшимся смутно знакомым — вероятно, один из крупных столичных домов, чьё имя он видел мельком в справочниках, изучаемых перед отъездом. — Дренмор, если не ошибаюсь? Провинциальный род, насколько мне известно, практически угасший за последние десятилетия.

Ах. Первая демонстрация того самого змеиного гостеприимства, о котором меня предупреждали.

— Совершенно верно, — Александр обернулся к говорившему с вежливой, ничего не выражающей улыбкой. — А с кем имею честь?

— Виктор Эшвальд, — молодой человек слегка склонил голову в церемонном, но откровенно снисходительном приветствии. — Наш род на протяжении трёх поколений поставляет Ордену наиболее одарённых магов. любопытно было бы узнать, как провинциальному дворянину, чей род, по слухам, едва не пресёкся из-за скандальных семейных распрей, вообще удалось получить рекомендацию для поступления в столь престижное заведение.

Информация о семейном скандале уже достигла столицы, причём в куда более искажённой, скандальной форме, нежели официальная версия о разбойничьем нападении. Занятно — и весьма показательно относительно того, насколько тесно связаны интересы столичной знати с провинциальными делами.

— Виктор, — Александр позволил своему голосу прозвучать с лёгкой, едва уловимой иронией, — семейные распри — тема, безусловно, увлекательная для досужих сплетен, но вряд ли достойная обсуждения на официальном собрании, посвящённом началу нашего с вами академического пути. Не находите?

Виктор прищурился, явно не ожидавший подобного, спокойного парирования вместо смущённого замешательства, на которое, судя по всему, рассчитывал.

— Остёр на язык для провинциала, — заметил он, но в голосе его прозвучало нечто похожее на невольное, профессиональное уважение — качество, которое Александр отметил про себя как потенциально полезное для дальнейшего анализа расстановки сил среди студенчества. — Что ж, посмотрим, насколько подобная острота послужит тебе в стенах Академии, где куда важнее не язык, а связи и родовое влияние.

Он удалился, присоединившись к группе других юношей, облачённых в столь же дорогие, изысканные мантии, оставив Александра наедине с собственными мыслями, окрашенными знакомой, слегка ироничной задумчивостью.

первое знакомство с местной иерархией состоялось. Молодой Эшвальд, судя по всему, представляет собой типичный образчик столичного аристократического высокомерия — не самый опасный противник сам по себе, но, вероятно, весьма показательный индикатор общих настроений, царящих среди привилегированной части студенчества.

Церемония открытия, начавшаяся вскоре после этого краткого обмена любезностями, оказалась именно тем, чего Александр ожидал — торжественная, тщательно отрепетированная речь ректора Академии, магистра преклонного возраста по имени Теобальд Ворнер, о тради-

циях учебного заведения, важности сохранения равновесия между различными магическими школами и высокой ответственности, возлагаемой на будущих магов перед лицом королевства и его подданных.

Красивые слова, произносимые с той отработанной, лишённой подлинной искренности интонацией, что свойственна людям, произносящим подобные речи не в первый десяток раз. Впрочем, посмотрим, насколько эти благородные принципы соответствуют реальной практике, царящей за стенами торжественных залов.

После официальной части собрания новоприбывших студентов распределили по учебным группам согласно предварительным результатам вступительных испытаний — Александр, к некоторому облегчению, оказался в группе, состоящей преимущественно из студентов с менее выраженной, ещё не до конца определённой магической специализацией, что позволяло ему по-прежнему сохранять определённую степень неопределённости относительно истинной природы собственного дара.

Первое занятие — вводный курс общей теории магии, призванный познакомить студентов с базовыми принципами всех существующих школ колдовства, — вёл магистр средних лет по имени Эдмунд Крайс, чья манера преподавания, к некоторому удивлению Александра, оказалась куда более увлекательной и содержательной, нежели он предполагал, судя по унылой, формальной атмосфере официальной церемонии открытия.

— Магия, — начал магистр Крайс, расхаживая перед аудиторией с той энергичной, почти азартной манерой, что выдаёт истинного энтузиаста собственного предмета, — это не просто набор заклинаний, которым можно обучиться по книгам. Это глубинное понимание фундаментальных законов, управляющих взаимодействием между жизнью, смертью, стихиями и волей практикующего. Многие из вас, — он обвёл аудиторию взглядом, — привыкли думать о различных школах магии как о отдельных, изолированных дисциплинах. Задача этого курса — показать вам, насколько тесно они переплетены между собой, и насколько опасным может оказаться нарушение того самого равновесия, которое наш Орден призван охранять.

Занятно. Формулировка, весьма созвучная официальной доктрине Ордена, но, содержащая рациональное зерно, заслуживающее внимания — я и сам, за тысячу лет практики, неоднократно убеждался в глубинной взаимосвязанности различных магических дисциплин, сколь бы отдельно они ни воспринимались непосвящёнными.

Лекция продлилась около двух часов, и к её завершению Александр, вопреки первоначальному скептицизму, обнаружил, что испытывает нечто похожее на искренний интерес — магистр Крайс, при всей своей формальной принадлежности к Ордену, чья истинная роль в заговоре против него самого оставалась пока неизвестной, демонстрировал глубину знаний и педагогическое мастерство, заслуживающие подлинного уважения.

Возможно, не все обитатели этого змеиного двора столь же поверхностны и высокомерны, как молодой Эшвальд. Стоит присмотреться к магистру Крайсу внимательнее — как потенциальному источнику ценных знаний, так и, чем чёрт не шутит, потенциальному союзнику, если обстоятельства сложатся благоприятным образом.

Вечером того же дня, вернувшись в отведённую ему комнату — скромное, но достаточно комфортное помещение в студенческом корпусе, — Александр наконец позволил себе несколько минут полного расслабления, снимая тщательно поддерживаемую весь день маску вежливого, слегка настороженного новичка.

«Первый день позади, — произнёс Хранитель, беззвучный голос которого в стенах Академии, защищённых, судя по всему, множеством охранных плетений, звучал несколько приглушённее обычного. — Каковы твои первоначальные впечатления?»

Сложные, — признался Александр мысленно, опускаясь на узкую студенческую кровать и глядя в потолок комнаты. — С одной стороны, атмосфера действительно оправдывает данное тобой определение "змеиного двора" — иерархия, основанная на родовом влиянии, высо-

комерие привилегированных студентов, и, полагаю, множество скрытых интриг, о существовании которых мне ещё только предстоит узнать. С другой стороны — по крайней мере, часть преподавательского состава демонстрирует подлинную компетентность и, что немаловажно, искреннюю увлечённость собственным предметом.

«Не стоит спешить с выводами относительно истинной лояльности любого из встреченных сегодня людей, — предостерёг Хранитель. — Заговор, о котором мы подозреваем, судя по всему, простирается достаточно глубоко в структуры Ордена, и было бы наивно полагать, что подобные интриги ограничиваются исключительно высокомерными аристократическими юнцами вроде упомянутого тобой Эшвальда. Настоящая опасность, вероятнее всего, скрывается куда глубже, среди тех, кто обладает достаточным влиянием и осторожностью, чтобы оставаться в тени».

Разумное предостережение. ближайшие недели придётся посвятить внимательному, методичному наблюдению — прежде чем предпринимать какие-либо решительные действия в отношении расследования истинной природы заговора.

Он поднялся с кровати, подошёл к узкому окну своей комнаты, откуда открывался вид на просторный внутренний двор Академии, освещённый мягким, тёплым светом множества магических светильников, и позволил себе несколько долгих мгновений простого, задумчивого созерцания открывающейся перед ним панорамы — величественных зданий, ухоженных садов, статуй, изображающих легендарных магов прошлого, чьи имена, вероятно, чтились здесь с почти религиозным трепетом.

Что ж. Новая глава новой жизни начинается — куда более сложная и, вероятно, куда более опасная, нежели простое противостояние семейным интригам и наёмным убийцам провинциального масштаба. Здесь, в этих стенах, мне предстоит научиться играть в игру куда более изощрённую — игру, где оружием служат не ножи и заклинания, а слова, репутация и терпеливо выстраиваемые многоходовые комбинации влияния.

Тысяча лет назад подобные игры давались мне с лёгкостью, почти инстинктивно. Посмотрим, сохранилось ли это умение в достаточной мере, чтобы выстоять против противников, чья истинная природа и мотивы мне ещё только предстоит выяснить.

За окном тем временем окончательно стемнело, и первые звёзды начали проступать над шпилями Академии — безмолвные свидетели начала новой, куда более масштабной и опасной главы истории, разворачивающейся в самом сердце столицы королевства, где под благородными лозунгами о равновесии и справедливости, судя по всему, скрывались интриги и амбиции, способные потрясти основы всего магического сообщества.

Глава 2. Правила игры

Первые две недели в Академии Равновесия прошли для Александра в напряжённом, но методичном изучении негласных правил новой среды — процесс, требовавший куда большей сосредоточенности, нежели простое усвоение учебной программы.

Занятная закономерность, — размышлял он, шагая по коридору главного учебного корпуса между занятиями, — чем изысканнее и благороднее внешняя оболочка общества, тем изощрённее и беспощаднее оказываются истинные правила игры, царящие под этой оболочкой.

Иерархия студенчества, как выяснилось за прошедшие недели, строилась на нескольких пересекающихся факторах: родовитость и древность фамилии, текущее финансовое и политическое влияние семьи при дворе, магическая одарённость самого студента, и, что оказалось особенно любопытным открытием, скрытая система покровительства со стороны отдельных магистров, каждый из которых, судя по всему, продвигал интересы определённой группы студентов в обмен на будущую лояльность и политическую поддержку их семей.

«Классическая система патронажа, — заметил Хранитель, когда Александр поделился с ним собранными наблюдениями во время очередной ночной беседы в тишине своей комнаты. — За три столетия моего заключения я успел изучить множество подобных структур по обрывочным сведениям, доходившим до склепа через случайных посетителей и болтливых слуг. Такие системы неизменно порождают глубоко укоренившуюся коррупцию, поскольку личная лояльность начинает цениться выше объективных заслуг и честности».

Именно то, что мне и требуется понять в первую очередь, — отозвался Александр мысленно. — Если заговор, о котором мы подозреваем, действительно пронизывает структуры Ордена, вероятнее всего, он опирается именно на подобную систему покровительства, где нужные люди расставлены на нужные позиции задолго до того, как понадобится их содействие в решении деликатных вопросов.

Виктор Эшвальд, с которым Александр столкнулся в первый день пребывания в Академии, оказался, как выяснилось в последующие недели, весьма показательным примером подобной системы — юноша, чьи магические способности, объективно говоря, были достаточно скромными, тем не менее пользовался неизменным покровительством одного из старших магистров, обеспечивавшего ему лучшие оценки и наиболее престижные учебные назначения, вне зависимости от реальных заслуг.

Занятно, впрочем, что подобная несправедливость, судя по всему, воспринимается большинством студентов как нечто само собой разумеющееся, неотъемлемая часть устоявшегося порядка вещей. Немногие осмеливаются открыто возмущаться подобной практикой — вероятно, из опасения навлечь на себя гнев соответствующих покровителей.

Сам Александр, тщательно поддерживая образ скромного, не особо выдающегося провинциального студента, старался держаться в стороне от основных группировок студенческой иерархии, предпочитая методичное, незаметное наблюдение открытому участию в местных интригах. Подобная стратегия, впрочем, имела и определённые недостатки — отсутствие сколько-нибудь значимых связей и покровительства делало его весьма уязвимой мишенью для случайных насмешек и мелких унижений со стороны более влиятельных студентов, вроде того же Эшвальда.

— Слышал, Дренмор, — произнёс однажды Виктор, столкнувшись с ним в коридоре после очередного занятия по теории магических плетений, — что твоя семья умудрилась не только едва не пресечься из-за внутренних дрязг, но ещё и умудрилась насолить некоторым весьма влиятельным людям. Забавно, что подобный неудачник вообще сумел получить рекомендацию для поступления в столь престижное заведение.

Насолить некоторым весьма влиятельным людям. Интересная формулировка, наводящая на определённые размышления относительно источника информации молодого Эшвальда.

— Виктор, — Александр остановился, оборачиваясь к обидчику с той же спокойной, слегка ироничной улыбкой, что уже успела стать его фирменным ответом на подобные провокации, — не устаю удивляться, насколько быстро и, увы, насколько искажённо распространяются слухи о семейных делах провинциальных родов в стенах столичной Академии. Позволь полюбопытствовать — из какого источника ты черпаешь столь занимательные, хотя и весьма далёкие от истины сведения?

Виктор на мгновение замялся, и в этой краткой заминке Александр уловил нечто весьма любопытное — не обычную браваду высокомерного аристократа, а лёгкую, едва заметную тень настороженности, будто вопрос затронул тему, которую юноша предпочёл бы оставить неозвученной.

— Слухи есть слухи, — произнёс он наконец, пожимая плечами с наигранной небрежностью. — Не думаю, что источник имеет особое значение.

Ах, но он имеет значение, дорогой Виктор. И судя по твоей мимолётной, но весьма красноречивой реакции, источник этот отнюдь не так безобиден, как обычные досужие сплетни студенческой молвы.

Александр не стал давить дальше, предпочитая сохранить полученное наблюдение для дальнейшего, более тщательного анализа, вместо того чтобы спугнуть потенциально важную зацепку излишне настойчивыми расспросами.

Первый по-настоящему значимый прорыв в понимании внутренней структуры Академии и, что важнее, её связи с более широкими интригами Ордена, произошёл спустя три недели после начала обучения, во время занятия по прикладной теории защитных плетений, которое вёл уже знакомый Александру магистр Эдмунд Крайс.

Занятие, посвящённое анализу различных типов магических барьеров и способов их преодоления, неожиданно приняло куда более серьёзный оборот, когда магистр Крайс, отступив от заранее подготовленного плана лекции, начал рассуждать о недавних событиях, взбудораживших определённые круги столичного магического сообщества.

— Некоторые из вас, полагаю, — произнёс он, обводя аудиторию задумчивым взглядом, — уже слышали о недавнем скандале, связанном с деятельностью так называемой Гильдии Молчаливых Клинков — организации, чья репутация теневого исполнителя деликатных заказов для влиятельных заказчиков долгое время оставалась неприкосновенной, но, судя по последним слухам, начинает трещать по швам после серии неожиданных провалов.

Так-так. Похоже, последствия событий в поместье действительно достигли столичных ушей куда быстрее и заметнее, чем я предполагал изначально.

Александр, стараясь сохранять максимально непринуждённое выражение лица, внимательно прислушался к дальнейшим рассуждениям магистра.

— Официальная позиция Ордена Правосудия, — продолжил Крайс, — заключается в необходимости решительного расследования деятельности Гильдии, с целью выявления и наказания всех причастных к её преступной деятельности лиц. Однако, — он сделал многозначительную паузу, — некоторые наблюдатели отмечают, что подобная решительность встречает неожиданное сопротивление со стороны отдельных влиятельных фигур внутри самого магического сообщества, что порождает определённые, весьма тревожные предположения относительно истинного масштаба связей этой организации.

Крайне любопытно. Магистр Крайс, судя по всему, обладает куда большей осведомлённостью относительно истинного положения дел, нежели можно было бы ожидать от рядового преподавателя теории защитных плетений. Возможно ли, что он сам является частью более широкой сети противостояния заговору, о котором мы подозреваем?

После занятия, дождавшись, пока большая часть студентов покинет аудиторию, Александр задержался под предлогом уточнения деталей домашнего задания, воспользовавшись представившейся возможностью для более личного разговора с магистром.

— Магистр Крайс, — произнёс он, приблизившись к преподавательскому столу, — ваши сегодняшние рассуждения о Гильдии Молчаливых Клинков показались мне весьма любопытными. Не могли бы вы поделиться более подробными сведениями относительно упомянутого вами сопротивления расследованию?

Магистр внимательно посмотрел на него — взгляд его, обычно доброжелательный и слегка рассеянный, на мгновение приобрёл куда более острую, оценивающую остроту.

— Любопытный вопрос для провинциального студента, молодой Дренмор, — произнёс он медленно. — Особенно учитывая, что, если верить циркулирующим в определённых кругах слухам, именно ваша семья оказалась одной из первых жертв недавних неудач упомянутой организации.

Так. Значит, магистр Крайс действительно осведомлён о моей истинной связи с произошедшими событиями, вне зависимости от официально распространённой версии о разбойничьем нападении. Вопрос лишь в том, насколько глубоко простирается эта осведомлённость, и насколько безопасно продолжать данный разговор в его нынешнем русле.

— магистр, — Александр тщательно взвесил каждое последующее слово, — обстоятельства последних месяцев вынудили меня проявить куда больший интерес к подобным вопросам, нежели свойственно обычному студенту. Если вам известно нечто, способное пролить дополнительный свет на истинную природу произошедшего, я был бы искренне признателен за любые сведения, которыми вы готовы поделиться.

Магистр долго молчал, изучая его взглядом, полным сложной смеси настороженности, любопытства и, как показалось Александру, некоторой доли невольного сочувствия.

— Не здесь, — произнёс он наконец тихо, понизив голос до едва различимого шёпота, несмотря на то что аудитория к этому моменту полностью опустела. — Стены Академии, молодой Дренмор, обладают куда более острым слухом, нежели можно было бы предположить на первый взгляд. Если вы действительно заинтересованы в более обстоятельном разговоре на данную тему, приходите на мою кафедру этим вечером, после отбоя — я распоряжусь, чтобы охрана корпуса не чинила препятствий вашему визиту.

Приглашение, сопряжённое с определённым риском — но, учитывая скудость доступных мне на данный момент зацепок относительно истинной структуры заговора, риск, которым, полагаю, стоит воспользоваться.

— Благодарю, магистр, — Александр кивнул с должной степенью формальной почтительности. — Буду ждать назначенной встречи с нетерпением.

Вечерний визит на кафедру магистра Крайса, расположенную в отдельном, менее посещаемом крыле главного учебного корпуса, состоялся спустя несколько часов, когда основная часть студенческого корпуса уже погрузилась в вечернюю тишину, нарушаемую редкими шагами патрулирующей территорию академической стражи.

Кабинет магистра оказался куда более скромным, нежели можно было бы ожидать от преподавателя столь высокого положения — тесное, заставленное многочисленными книжными полками помещение, освещённое единственным магическим светильником, отбрасывающим тёплый, приглушённый свет на разложенные по столу свитки и записи.

— Присаживайтесь, молодой Дренмор, — произнёс Крайс, указывая на единственное свободное кресло у стола, и, дождавшись, пока Александр устроится, тщательно проверил дверь кабинета, активировав, судя по характерному, едва уловимому магическому напряжению в воздухе, дополнительное плетение, препятствующее подслушиванию.

Серьёзные меры предосторожности для простого преподавателя теории защитных плетений. это лишь укрепляет мою уверенность в том, что магистр Крайс располагает све-

дениями куда более деликатного и опасного характера, нежели обычная академическая информация.

— Прежде чем мы продолжим, — произнёс магистр, устраиваясь напротив, — позвольте задать вопрос, ответ на который определит дальнейшее направление нашей беседы. Насколько глубоко, молодой человек, вы осведомлены о истинных обстоятельствах, стоящих за недавними покушениями на вашу жизнь?

Александр выдержал долгую, тщательно взвешенную паузу, оценивая степень откровенности, безопасную для данного разговора.

— Достаточно глубоко, — произнёс он наконец, — чтобы понимать: за организацией, известной как Гильдия Молчаливых Клинков, стоит некая куда более влиятельная фигура, предположительно связанная с Орденом Хранителей Равновесия. Дальнейшие детали — личность этой фигуры, истинные масштабы заговора — остаются мне неизвестными.

Магистр Крайс медленно кивнул, взгляд его посуровел, приобретая выражение человека, готовящегося поделиться сведениями, способными существенно изменить восприятие собеседником окружающей действительности.

— Ваша осведомлённость впечатляет, молодой Дренмор, учитывая относительную скудость доступных провинциальному дворянину источников информации. позвольте дополнить известную вам картину некоторыми деталями, которыми я располагаю благодаря собственному, весьма продолжительному расследованию, ведущемуся на протяжении последних нескольких лет.

Он поднялся, подошёл к одной из книжных полок и, отодвинув несколько томов, извлёк потайной ящичек, содержащий небольшую стопку документов, испещрённых пометками и схемами.

— Орден Хранителей Равновесия, — начал он, вернувшись к столу и раскладывая документы перед Александром, — на протяжении последнего десятилетия оказался расколот внутренней борьбой между двумя фракциями. Первая, к которой, отношу себя и я сам, придерживается изначальных, официально провозглашённых принципов Ордена — поддержание истинного баланса между магическими школами, беспристрастное разрешение конфликтов и защита интересов всего магического сообщества, вне зависимости от происхождения или статуса отдельных практиков.

Благородная позиция — хотя, разумеется, любая подобная организация, вне зависимости от изначальных принципов, со временем неизбежно подвергается коррупции и внутренним расколам, вызванным человеческими амбициями и жаждой власти.

— Вторая фракция, — продолжил магистр, и в голосе его прозвучали нотки едва сдерживаемого негодования, — возглавляемая, по моим предположениям, одним из старших членов Совета Ордена, преследует куда более узкие, эгоистичные цели — консолидацию личной власти под прикрытием официальных полномочий Ордена, устранение неудобных конкурентов и потенциальных угроз собственному влиянию, зачастую с использованием методов, весьма далёких от провозглашаемых принципов справедливости и равновесия.

— И вы полагаете, — произнёс Александр медленно, — что именно эта фракция стоит за деятельностью Гильдии Молчаливых Клинков?

— Убеждён в этом, — подтвердил Крайс. — На протяжении последних трёх лет мне удалось собрать достаточно косвенных, но весьма красноречивых свидетельств, указывающих на связь между отдельными членами упомянутой фракции и деятельностью данной преступной организации. К сожалению, — он тяжело вздохнул, — прямых, неопровержимых доказательств, достаточных для официального обвинения перед лицом всего Совета Ордена, у меня по-прежнему недостаточно.

Вот, значит, откуда столь глубокая осведомлённость магистра Крайса о деталях, которые ему, по идее, знать не полагалось. Он сам, судя по всему, ведёт собственное, тайное расследование, весьма созвучное моим собственным намерениям.

— Кто же, по вашему мнению, — спросил Александр, наклоняясь вперёд с нескрываемым интересом, — является предводителем упомянутой вами враждебной фракции?

Магистр Крайс долго молчал, взвешивая, судя по всему, насколько безопасно раскрывать столь чувствительную информацию юноше, знакомство с которым насчитывало от силы несколько недель.

— Магистр Себастьян Ролленд, — произнёс он наконец тихо, почти шёпотом, — старший советник Ордена, курирующий вопросы внешних сношений и, что немаловажно, официально ответственный за надзор за деятельностью различных вспомогательных организаций, действующих в интересах Ордена по всему королевству.

Себастьян Ролленд. наконец-то конкретное имя, за которое можно зацепиться в дальнейшем расследовании.

— магистр, — произнёс Александр после долгой, задумчивой паузы, — я искренне признателен за оказанное доверие и предоставленные сведения. Позвольте, впрочем, поинтересоваться — почему вы решили поделиться подобной информацией именно со мной, студентом, чьё знакомство с вами насчитывает от силы несколько недель?

Магистр Крайс слабо улыбнулся — улыбкой человека, слишком долго несущего в одиночестве тяжкое бремя опасного знания.

— Потому, молодой Дренмор, что вы — первый за долгое время студент, а возможно, и первый человек в принципе, чья личная заинтересованность в разоблачении данного заговора столь очевидно совпадает с моими собственными устремлениями. Ваша семья пострадала от деятельности организации, за которой, по моему глубокому убеждению, стоит магистр Ролленд. У вас есть личный мотив, достаточный для того, чтобы довериться в вопросе, где я долгое время был вынужден действовать в полном одиночестве, опасаясь предательства со стороны собственных коллег.

Разумное объяснение, хотя и не лишённое определённой доли риска для нас обоих. отныне магистр Крайс становится моим первым, пусть и весьма осторожным союзником в стенах этого змеиного двора.

— В таком случае, магистр, — Александр поднялся с кресла, протягивая руку для рукопожатия — жест, который, как он успел заметить, был широко распространён среди столичной аристократии в знак заключения неформального соглашения, — полагаю, мы можем считать себя союзниками в этом деликатном, но крайне важном деле.

Магистр Крайс, чуть помедлив, ответил на рукопожатие с той же серьёзностью, что подобает заключению значимого, хотя и негласного альянса.

— Союзники, молодой Дренмор. Но прошу вас — крайняя осторожность отныне становится нашим общим приоритетом. Магистр Ролленд обладает значительным влиянием и, судя по всему, весьма развитой сетью информаторов, включая, вполне возможно, кого-то среди самого студенчества. Наши дальнейшие встречи должны оставаться максимально скрытными, во избежание преждевременного разоблачения.

Разумная предосторожность. ближайшие месяцы обучения в Академии обретают куда более чёткую, целенаправленную структуру, нежели простое, отвлечённое изучение теории магии — теперь передо мной стоит конкретная, весьма амбициозная задача: собрать достаточно доказательств для разоблачения магистра Ролленда, прежде чем он успеет предпринять новую, возможно, куда более решительную попытку устранения неудобного свидетеля его прежних неудач.

Покидая кабинет магистра Крайса поздним вечером, Александр невольно поймал себя на мысли, что, вопреки первоначальным опасениям относительно враждебности и коварства

столичной академической среды, уже успел обзавестись первым, весьма ценным союзником — открытие, вселившее в него сдержанный, но искренний оптимизм относительно перспектив предстоящей, судя по всему, весьма долгой и сложной игры.

Себастьян Ролленд. дорогой магистр, полагаю, наше заочное знакомство только начинается — и, учитывая обстоятельства, вряд ли оно сложится в вашу пользу.

Глава 3. Уроки тьмы в свете дня

Специализированное обучение началось спустя месяц после поступления — период, в течение которого Александр, следуя рекомендации приёмной комиссии, посещал вводные занятия по общей теории всех магических школ, постепенно нарабатывая репутацию способного, хотя и не выдающегося студента, чья истинная специализация оставалась предметом определённого академического любопытства.

Забавное упражнение, признаться — тысячу лет назад я преподавал тьму целым поколениям учеников, а сегодня вынужден сидеть за партой, изображая скромное неведение относительно основ дисциплины, которой владею куда глубже большинства присутствующих здесь магистров.

Распределение по специализированным курсам, состоявшееся по истечении вводного месяца, поставило Александра перед определённой дилеммой — официально признанные магические школы, преподаваемые в Академии, включали хорошо знакомый ему по родовым архивам список: целительство, некромантия, химерология, проклятия, стихийная магия земли, воды и погоды. Тьма же, как отдельная, самостоятельная дисциплина, в официальном учебном плане не значилась вовсе — забытое, полулегальное искусство, упоминаемое разве что в исторических трактатах как курьёзный пережиток древних, давно минувших эпох.

Значит, придётся выбирать наиболее близкую по духу альтернативу и развивать истинные способности самостоятельно, вне официальных рамок академической программы.

После долгих раздумий Александр остановил свой выбор на курсе некромантии — школе, наиболее близкой по своей философской и практической сути к искусству тьмы, хотя и куда более узко сфокусированной на манипуляции смертью и посмертной энергией, нежели на более широком, всеобъемлющем понимании жизни, тени и воли, свойственном истинной практике тьмы.

Курс вёл магистр Освальд Гримм — суровый, немногословный мужчина преклонного возраста, чья репутация среди студенчества варьировалась от искреннего уважения за глубину познаний до откровенного страха перед его требовательностью и нетерпимостью к любым проявлениям лени или недостаточной серьёзности в отношении изучаемого предмета.

— Некромантия, — произнёс магистр Гримм на первом занятии специализированного курса, оглядывая немногочисленную группу студентов, выбравших данную специализацию, с тем суровым, оценивающим прищуром, что заставил большинство присутствующих непроизвольно выпрямиться на своих местах, — искусство, наиболее подверженное общественному предубеждению среди всех официально признанных магических школ. Многие обыватели путают истинную практику некромантии с примитивным, отталкивающим осквернением мёртвых, свойственным разве что деревенским шарлатанам и откровенным безумцам. Истинная некромантия, — продолжил он, чеканя каждое слово с почти религиозной торжественностью, — есть глубинное понимание перехода между состояниями бытия, уважительное и мудрое взаимодействие с той энергией, что остаётся после угасания физической жизни.

Занятная, хотя и несколько ограниченная философия. Тьма, в отличие от узкоспециализированной некромантии, охватывает куда более широкий спектр взаимодействия с жизненной и посмертной энергией — включая аспекты, которые данная школа, судя по всему, попросту не рассматривает в своей практике.

Занятия под руководством магистра Гримма, тем не менее, оказались весьма познавательными — многие базовые принципы, преподаваемые в рамках официального курса некромантии, действительно перекликались с фундаментальными основами тьмы, знакомыми Александру по тысячелетнему опыту прежней жизни, позволяя ему постепенно, шаг за шагом,

легитимизировать в глазах окружающих те способности, которыми он уже владел, представляя их как естественное развитие изучаемой в рамках официальной программы дисциплины.

— Ваши успехи, молодой Дренмор, — заметил однажды магистр Гримм спустя несколько недель занятий, наблюдая за тем, как Александр выполняет упражнение на манипуляцию остаточной энергией недавно увядшего растения, — весьма впечатляющи для студента, чья приёмная комиссия отметила лишь скромную, неопределённую одарённость. ваша интуитивная работа с энергией демонстрирует глубину, редко встречающуюся даже среди студентов с куда более длительной подготовкой.

Осторожнее. Чрезмерное впечатление, произведённое на проницательного магистра, может привлечь нежелательное внимание — как со стороны потенциальных союзников, так и, что куда опаснее, со стороны заговорщиков, чьё истинное отношение к моей персоне мне ещё только предстоит выяснить в полной мере.

— магистр, — Александр позволил своему голосу прозвучать со скромной, тщательно отмеренной неуверенностью, — полагаю, определённую роль сыграло моё родовое наследие — судя по семейным архивам, некоторые из моих предков практиковали искусства, близкие к некромантии, хотя точная природа их дара остаётся для меня загадкой.

Магистр Гримм понимающе кивнул, судя по всему, вполне удовлетворённый подобным объяснением — версия, достаточно правдоподобная, чтобы не вызывать чрезмерных подозрений, но при этом достаточно расплывчатая, чтобы не раскрывать истинную, куда более специфическую природу его способностей.

Параллельно с академическим обучением Александр, следуя договорённости с магистром Крайсом, посвящал значительную часть свободного времени методичному сбору сведений о деятельности магистра Ролленда и его предполагаемой связи с Гильдией Молчаливых Клинков.

Задача эта, впрочем, оказалась куда сложнее, нежели он предполагал изначально — Ролленд, судя по всему, обладал достаточной осторожностью и опытом, чтобы не оставлять очевидных, легко обнаруживаемых следов собственной причастности к теневой деятельности организации.

— Три года расследования, — признался как-то магистр Крайс во время очередной ночной встречи на своей кафедре, — и я до сих пор не располагаю ничем, кроме косвенных, легко оспоримых предположений. Ролленд слишком умён, чтобы действовать напрямую — он предпочитает многослойную систему посредников, каждый из которых знает лишь незначительную часть общей картины, что делает практически невозможным проследить прямую связь между ним лично и конкретными преступными деяниями.

Классическая стратегия опытного заговорщика — компартментализация информации, минимизирующая риск полного разоблачения даже в случае провала отдельных звеньев цепи. подобная стратегия, признаться, весьма созвучна методам, которыми я сам пользовался тысячу лет назад для управления собственными, куда более обширными теневыми сетями.

— Быть может, — предложил Александр во время одной из подобных встреч, — стоит подойти к проблеме с иной стороны. Вместо прямого поиска доказательств связи Ролленда с Гильдией, не разумнее ли сосредоточиться на выявлении его личных мотивов и целей? Понимание истинных амбиций противника зачастую позволяет предугадать его дальнейшие шаги, что, в свою очередь, может создать возможности для его разоблачения через собственные же действия.

Магистр Крайс задумчиво кивнул, взгляд его выразил определённую долю уважения к предложенной стратегии.

— Интересный подход, молодой Дренмор. Что именно вы предлагаете?

— Насколько мне известно, — продолжил Александр, тщательно формулируя собственные наблюдения, накопленные за последние недели, — магистр Ролленд курирует вопросы внешних сношений Ордена. Подобная позиция подразумевает значительное влияние на распределение ресурсов, назначение представителей Ордена в различных регионах королевства, а также, вероятно, определённый контроль над информационными потоками, поступающими из провинций в столицу. Если его истинная цель — консолидация личной власти, как вы предполагаете, логично ожидать, что он использует данную позицию для расстановки лояльных ему людей на ключевых постах, постепенно выстраивая параллельную, неофициальную иерархию влияния внутри формальной структуры Ордена.

— Продолжайте, — магистр Крайс наклонился вперёд с нарастающим интересом.

— В таком случае, — Александр развил свою мысль, — вместо поиска прямых доказательств связи с Гильдией, стоит проследить кадровые назначения, произведённые при непосредственном участии или рекомендации Ролленда за последние годы. Закономерности в подобных назначениях — например, систематическое продвижение людей с определёнными характеристиками на стратегически важные позиции — способны выявить истинный масштаб и структуру его влияния куда эффективнее, нежели прямой поиск улик преступной деятельности, которую он, несомненно, тщательно скрывает.

Магистр Крайс долго молчал, обдумывая предложенную стратегию, прежде чем произнести с искренним, неподдельным восхищением:

— молодой Дренмор, для семнадцатилетнего юноши вы демонстрируете удивительно зрелое, стратегическое мышление. Подобный подход, не приходил мне в голову за все три года собственного расследования — я слишком сосредоточился на поиске прямых доказательств, упуская из виду более широкую, системную картину его влияния.

тысяча лет практики в подобных играх власти определённо не проходит бесследно, вне зависимости от возраста тела, в котором приходится действовать.

— магистр, — Александр позволил себе скромную улыбку, — полагаю, свежий взгляд со стороны порой способен заметить закономерности, ускользающие от внимания человека, слишком глубоко погружённого в детали собственного расследования на протяжении длительного времени.

Реализация предложенной стратегии заняла последующие недели, в течение которых магистр Крайс, пользуясь доступом к определённым архивным записям Ордена, доступным преподавательскому составу Академии, начал методично собирать сведения о кадровых назначениях, произведённых при участии магистра Ролленда за последнее десятилетие.

Александр, со своей стороны, сосредоточился на куда более деликатной задаче — постепенном, осторожном сближении с определёнными студентами, чьи семьи, судя по собранным наблюдениям, могли обладать дополнительными сведениями о деятельности Ролленда, либо благодаря собственному положению при дворе, либо через косвенные связи с провинциальными назначенцами, продвинутыми при его содействии.

Одним из подобных, весьма перспективных контактов оказалась студентка по имени Изольда Верн — девушка из относительно скромного, но весьма уважаемого рода, чей отец, как выяснилось в ходе осторожных, ненавязчивых расспросов, служил региональным представителем Ордена в одной из приграничных провинций, назначенным на эту должность несколько лет назад при непосредственной рекомендации магистра Ролленда.

— Александр, — произнесла Изольда во время одной из их всё более частых встреч в тихом уголке академической библиотеки, куда оба они, судя по всему, предпочитали удаляться для спокойного изучения учебных материалов вдали от шумной суеты основных студенческих помещений, — не могу не отметить твой неожиданный интерес к делам моей семьи. немногие из здешних студентов проявляют подобное любопытство к скромному провинциальному назначению моего отца.

Проницательная девушка. Придётся действовать осторожнее, чтобы не вызвать чрезмерных подозрений относительно истинной цели моего интереса.

— Изольда, — Александр отложил в сторону изучаемый трактат по теории защитных плетений, придавая своему голосу оттенок искреннего, непринуждённого любопытства, — моя собственная семья, будучи провинциальным родом, испытывает определённые сложности в отношениях с центральной властью столицы. меня искренне интересует, как складываются подобные отношения у иных провинциальных семей, чьи представители, подобно твоему отцу, занимают официальные позиции при Ордене.

Изольда задумчиво нахмурилась, взгляд её выразил определённую долю сомнения относительно искренности подобного объяснения, но, судя по всему, недостаточную, чтобы полностью отвергнуть предложенную версию.

— — произнесла она наконец, — не могу сказать, что отношения моего отца с центральным руководством Ордена складываются исключительно благоприятно. назначение, полученное несколько лет назад, сопряжено с определёнными… обязательствами, о природе которых отец предпочитает не распространяться слишком подробно даже в кругу собственной семьи.

Обязательства. Весьма красноречивая формулировка, наводящая на определённые предположения относительно истинной цены подобных назначений, произведённых при содействии магистра Ролленда.

— Звучит несколько тревожно, — заметил Александр с должной степенью сочувственного участия. — надеюсь, что подобные обязательства не создают чрезмерных сложностей для твоей семьи.

Изольда долго молчала, взгляд её был устремлён куда-то вдаль, за пределы непосредственного окружения библиотечного зала, прежде чем она произнесла тихо, почти шёпотом:

— Александр, порой мне кажется, что мой отец несёт куда более тяжкое бремя, нежели готов признать открыто. Определённые распоряжения, поступающие из столицы через посредничество магистра Ролленда, требуют от него действий, которые, по моим собственным наблюдениям, весьма далеки от официально провозглашаемых принципов справедливого управления провинциальными делами.

Ах, вот и первая, весьма ценная зацепка, полученная благодаря терпеливому, осторожному выстраиванию доверительных отношений вместо прямого, потенциально опасного расследования.

— Не хочу показаться излишне навязчивым, — произнёс Александр осторожно, — но, если тебе когда-либо потребуется собеседник, готовый выслушать без осуждения и излишнего любопытства, я всегда готов оказать подобную поддержку.

Изольда слабо улыбнулась, и в этой улыбке промелькнуло нечто похожее на искреннюю, хотя и осторожную признательность.

— Благодарю, Александр. немногие в стенах этой Академии способны на подобную искренность, свободную от политических расчётов и стремления извлечь личную выгоду из чужих затруднений.

Если бы ты знала, дорогая Изольда, насколько сложен и многослоен истинный расчёт, стоящий за моим кажущимся бескорыстным участием. Впрочем, полагаю, определённая доля искреннего сочувствия в моих словах также присутствует — судьба провинциальных семей, вынужденных балансировать между собственными принципами и требованиями центральной власти, весьма созвучна моему собственному опыту последних месяцев.

Вечером того же дня, поделившись полученными сведениями с магистром Крайсом во время очередной конспиративной встречи, Александр обнаружил, что собранная им информация прекрасно дополняет параллельно проводимое расследование кадровых назначений.

— Отец Изольды Верн, — произнёс магистр Крайс, сверяясь с собственными записями, — один из семнадцати провинциальных представителей Ордена, назначенных за последнее

десятилетие при непосредственной рекомендации магистра Ролленда. Что примечательно, — он выделил соответствующую строку в своих записях, — большинство из этих семнадцати назначенцев, как выяснилось благодаря дальнейшему изучению архивных документов, происходят из семей, испытывающих определённые финансовые или политические затруднения, что делает их особенно уязвимыми для скрытого давления и манипуляции со стороны покровителя, обеспечившего им официальную должность.

Классическая стратегия — подбирать зависимых, уязвимых людей на ключевые позиции, обеспечивая их лояльность не столько искренней преданностью, сколько банальным шантажом и угрозой утраты с трудом полученного положения.

— Значит, — подытожил Александр, — магистр Ролленд выстроил целую сеть зависимых от него региональных представителей, каждый из которых, вероятно, вынужден выполнять его негласные распоряжения под угрозой утраты положения или, возможно, куда более серьёзных последствий для благополучия собственной семьи.

— Именно так, — подтвердил магистр Крайс. — И, что особенно тревожно, подобная сеть влияния предоставляет Ролленду доступ к ресурсам и информации далеко за пределами официальных полномочий его позиции — доступ, который, по моему глубокому убеждению, он использует не только для консолидации личной власти, но и, возможно, для финансирования и координации деятельности организаций, подобных Гильдии Молчаливых Клинков.

Александр задумчиво откинулся на спинку кресла, обдумывая масштаб раскрывающейся перед ним картины.

Что ж. Заговор, судя по всему, оказывается куда более обширным и глубоко укоренённым, нежели я предполагал изначально, приступая к расследованию. Семнадцать провинциальных представителей, зависимых от единственного покровителя, чьи истинные амбиции простираются далеко за пределы простого устранения неудобного наследника провинциального рода.

«Масштаб заговора, судя по всему, требует куда более осторожного и методичного подхода к дальнейшему расследованию, нежели простой сбор разрозненных сведений, — заметил Хранитель, чей беззвучный голос прозвучал в сознании Александра с непривычной серьёзностью. — Противник подобного уровня влияния способен нанести удар, значительно превосходящий по масштабу и опасности всё, с чем тебе доводилось сталкиваться прежде».

Согласен, старина. впереди нас ожидает куда более сложная и продолжительная партия, нежели простое противостояние семейным интригам или локальным наёмникам провинциального масштаба.

— Магистр Крайс, — произнёс Александр вслух, поднимаясь с кресла в знак завершения очередной конспиративной встречи, — полагаю, нам стоит действовать с удвоенной осторожностью, учитывая раскрывающийся масштаб деятельности Ролленда. Одновременно, подобная информация лишь укрепляет мою решимость довести данное расследование до логического завершения, вне зависимости от сопряжённых с этим рисков.

Магистр Крайс кивнул, взгляд его выразил смесь тревоги и, как показалось Александру, некоторой доли облегчения от того, что тяжкое бремя одинокого противостояния столь влиятельному противнику отныне разделяется с надёжным, пусть и неожиданно юным союзником.

— Будьте осторожны, молодой Дренмор. наше расследование только начинает приобретать по-настоящему опасный оборот.

Вернувшись в свою комнату поздним вечером, Александр обнаружил, что сон, несмотря на накопившуюся за день усталость, упрямо ускользает от него — разум, разгорячённый раскрывающимся масштабом заговора, отказывался успокаиваться достаточно, чтобы позволить измождённому телу должный отдых.

раз уж сон не идёт, воспользуемся временем с большей пользой.

Он извлёк из тайника под половицей — предосторожность, показавшаяся ему разумной с первых же дней пребывания в потенциально враждебной обстановке Академии, — свиток с техниками тьмы, полученный из фамильного склепа несколько месяцев назад, и погрузился в изучение одной из наиболее сложных, ещё не до конца освоенных им техник, описанных в древнем тексте.

«Плетение Истинного Взора», — гласило название техники, начертанное вязью древнего языка тьмы, — способность различать скрытую природу магической энергии, невзирая на маскирующие плетения и иллюзии, призванные скрыть истинный характер заклинания от постороннего наблюдателя.

Именно та способность, что позволила мне распознать скрытое проклятие в атаке Виктора, — размышлял Александр, вчитываясь в сложные, многослойные инструкции по дальнейшему развитию и совершенствованию данной техники. — Хотя, освоенный мною уровень владения ею остаётся весьма далёким от того мастерства, которым я обладал тысячу лет назад.

«Твой прогресс в освоении фамильных техник впечатляет, учитывая скромность доступных тебе ресурсов и ограниченность времени, — заметил Хранитель, наблюдавший за его занятиями с привычным уже вниманием заботливого, хотя и требовательного наставника. — Тем не менее, должен предостеречь: полное освоение «Плетения Истинного Взора» требует не только теоретического понимания, но и длительной, методичной практики, недоступной в текущих обстоятельствах постоянной необходимости скрывать истинный масштаб твоих способностей от посторонних наблюдателей».

Понимаю, старина, — отозвался Александр мысленно, откладывая свиток в сторону и потирая уставшие от долгого чтения глаза. — Впрочем, полагаю, определённая практика всё же возможна — хотя бы в уединении собственной комнаты, вдали от посторонних глаз.

Следующий час он посвятил практическим упражнениям, пытаясь применить базовые принципы «Плетения Истинного Взора» к различным предметам обстановки собственной комнаты — задача, поначалу казавшаяся почти тривиальной, но, как выяснилось при более глубоком погружении в технику, требовавшая куда более тонкого, дисциплинированного контроля над потоками собственной магической энергии, нежели простое, интуитивное распознавание проклятия в разгар напряжённого поединка.

Различие между инстинктивной реакцией в момент реальной опасности и осознанным, контролируемым применением техники в спокойной обстановке — фундаментальный урок, знакомый мне по прежней, тысячелетней практике обучения собственных учеников. придётся заново, шаг за шагом, восстанавливать утраченное с трансформацией тела мастерство, вместо того чтобы полагаться исключительно на сохранившиеся в памяти теоретические познания.

Углубление отношений с Изольдой Верн, начавшееся несколькими неделями ранее как часть тщательно спланированной стратегии сбора информации, к некоторому удивлению Александра, постепенно приобретало черты, выходящие за рамки простого расчётливого использования полезного источника сведений.

Девушка, как выяснилось в ходе их всё более частых бесед в тихих уголках академической библиотеки, обладала острым, аналитическим складом ума, редко встречающимся среди прочих студентов Академии, чрезмерно поглощённых мелочными интригами студенческой иерархии.

— Александр, — произнесла она однажды, отложив в сторону изучаемый учебник по теории элементарной магии, — не могу не отметить определённую странность в твоей манере вести беседу. Порой создаётся впечатление, что ты рассуждаешь с мудростью человека, прожившего куда более долгую и насыщенную событиями жизнь, нежели предполагает твой юный возраст.

Проницательное наблюдение, требующее осторожного, тщательно продуманного ответа.

— Изольда, — Александр позволил себе лёгкую, слегка ироничную улыбку, — последние месяцы моей жизни оказались настолько насыщены драматическими событиями — покушения, разоблачение семейного заговора, внезапное открытие фамильного магического наследия, — что, полагаю, подобный опыт неизбежно наложил определённый отпечаток на мою манеру мышления, вынудив повзрослеть куда стремительнее, нежели свойственно большинству моих ровесников.

Изольда задумчиво кивнула, взгляд её выразил смесь сочувствия и неподдельного любопытства.

— порой мне искренне жаль, что обстоятельства твоей жизни вынудили тебя пройти через подобные испытания в столь юном возрасте. Хотя, — она слабо улыбнулась, — не могу не отметить, что именно эта твоя необычная зрелость делает беседы с тобой куда более содержательными, нежели общение с большинством прочих студентов, чьи интересы редко простираются дальше собственного положения в местной иерархии и предстоящих светских развлечений.

определённая доля искреннего товарищества в наших отношениях действительно начинает формироваться, вне зависимости от изначальных расчётливых мотивов моего интереса к её персоне. Занятное, хотя и несколько неожиданное развитие событий.

— Взаимно, Изольда, — произнёс он вслух с непривычной для себя искренностью. — Признаться, твоя компания — одно из немногих подлинных удовольствий, доступных мне в стенах этого весьма непростого учебного заведения.

За окном библиотеки тем временем сгущались вечерние сумерки, и Александр, поймав себя на мысли о неожиданно тёплом, почти дружеском характере их беседы, невольно задумался о том, насколько сильно изменились его собственные приоритеты за минувшие месяцы новой жизни — от холодного, расчётливого стратега, видящего в каждом собеседнике лишь потенциальный источник пользы или угрозы, к человеку, всё более ценящему искренние, бескорыстные человеческие связи, невзирая на изначально прагматичные мотивы их формирования.

Тысяча лет назад подобная сентиментальность показалась бы мне непозволительной слабостью. Сегодня же, я нахожу в ней определённое, весьма неожиданное удовлетворение.

Глава 4. Первый удар

Спустя три недели после начала совместного с магистром Крайсом расследования, Александр начал замечать перемены, поначалу едва уловимые, но с каждым днём становившиеся всё более очевидными.

Ощущение, весьма знакомое по прежней, тысячелетней практике ведения тайных войн — то особое, почти инстинктивное чувство, возникающее, когда противник, доселе не подозревавший о твоём существовании как угрозы, наконец обращает на тебя пристальное, оценивающее внимание.

Первым тревожным сигналом стало неожиданное изменение в поведении Виктора Эшвальда — юноша, ранее ограничивавшийся мелкими, высокомерными насмешками, вдруг начал проявлять куда более настойчивый, почти навязчивый интерес к повседневным делам и передвижениям Александра, задавая на первый взгляд невинные, но при более внимательном рассмотрении весьма показательные вопросы о его расписании, привычных маршрутах по территории Академии и, что особенно насторожило Александра, о характере его отношений с определёнными преподавателями.

— Признаться, Дренмор, — произнёс Виктор однажды, столкнувшись с ним в коридоре учебного корпуса с той нарочитой, чрезмерно дружелюбной улыбкой, что моментально вызвала у Александра острое чувство настороженности, — не мог не заметить, что ты в последнее время часто задерживаешься в стенах Академии допоздна. Признаться, любопытно было бы узнать, чем именно ты занимаешь свои вечера.

Ах, вот оно что. Значит, за мной действительно установлено наблюдение — вопрос лишь в том, кем именно, и насколько глубоко простираются собранные обо мне сведения.

— Признаться, Виктор, — Александр позволил своему голосу прозвучать с непринуждённой, слегка ироничной лёгкостью, — провинциальное происхождение, увы, обязывает меня прикладывать куда больше усилий для освоения академической программы, нежели требуется студентам, выросшим в столичной образовательной среде с раннего детства. Дополнительные часы самостоятельного изучения в библиотеке — не более чем необходимая мера для компенсации недостатков раннего образования.

Виктор прищурился, взгляд его выразил определённую долю скептицизма относительно подобного объяснения, но, судя по всему, недостаточную, чтобы открыто оспорить сказанное.

— Понимаю, — произнёс он наконец, хотя интонация его недвусмысленно свидетельствовала об обратном. — усердие заслуживает уважения, вне зависимости от происхождения студента.

Он удалился, оставив Александра наедине с растущим ощущением тревоги — не панической, но вполне обоснованной настороженности, свойственной опытному стратегу, осознающему, что противник начал целенаправленную разведку его позиций.

«Виктор Эшвальд, — заметил Хранитель во время последовавшей вечерней беседы, — судя по твоему описанию, вряд ли обладает достаточной проницательностью для самостоятельной организации подобного наблюдения. Вероятнее всего, он выступает лишь исполнителем чужой воли — возможно, действуя по прямому указанию покровительствующего ему магистра».

Логичное предположение, — согласился Александр мысленно. — Вопрос лишь в том, кто именно из преподавательского состава покровительствует молодому Эшвальду, и насколько тесно этот покровитель связан с интересующим нас магистром Роллендом.

Дальнейшее, осторожное расследование данного вопроса — процесс, потребовавший нескольких дней аккуратных, ненавязчивых расспросов среди прочих студентов — принесло весьма красноречивый результат: Виктор Эшвальд, как выяснилось, состоял в близких, почти

семейных отношениях с магистром Ансельмом Дорном, куратором факультета боевой магии, чья репутация среди коллег-преподавателей отличалась определённой двойственностью — формальная лояльность официальным принципам Ордена, соседствующая с известными среди узкого круга посвящённых слухами о его тесных связях с фракцией магистра Ролленда.

Что ж. Круг подозреваемых сужается, хотя прямых доказательств по-прежнему катастрофически недостаточно.

Куда более серьёзный, недвусмысленно тревожный инцидент произошёл спустя неделю, во время одного из регулярных практических занятий по боевой магии — курса, обязательного для всех студентов вне зависимости от избранной специализации, призванного обеспечить базовую подготовку к самозащите в условиях потенциального магического конфликта.

Занятие, проводимое под руководством самого магистра Дорна на открытой тренировочной площадке за пределами главного учебного корпуса, предполагало серию контролируемых дуэльных поединков между студентами — упражнение, призванное отточить практические навыки применения защитных и наступательных плетений в условиях реального противостояния, пусть и ограниченного строгими правилами безопасности.

— Дренмор, — произнёс магистр Дорн, сверяясь со списком заранее распределённых пар для предстоящих поединков, — сегодня вашим противником станет студент Эшвальд.

Занятное совпадение, учитывая недавнее обострение внимания со стороны молодого Виктора к моей скромной персоне. Впрочем, возможно, простая случайность распределения — не стоит преждевременно поддаваться излишней подозрительности.

Виктор, выступивший вперёд для начала поединка, продемонстрировал на первый взгляд обычную, ожидаемую от подобной дуэли уверенность — впрочем, Александр, чьё чутьё, отточенное тысячелетней практикой распознавания скрытых намерений противника, безошибочно уловило в его взгляде нечто куда более настораживающее, нежели простое стремление продемонстрировать превосходство в учебном поединке.

Слишком уверен для юноши, чьи объективные магические способности, судя по предыдущим наблюдениям, весьма посредственны. Что-то здесь нечисто.

— Помните правила, — произнёс магистр Дорн, отступая на безопасное расстояние от обозначенного магическими барьерами поединочного круга, — только разрешённые к использованию базовые плетения, зафиксированные в учебной программе. Любое отклонение от установленных правил будет немедленно пресечено защитными механизмами круга.

Поединок начался по традиционному сигналу — обмен первыми, достаточно осторожными пробными заклинаниями, призванными оценить оборонительные и наступательные возможности противника, прежде чем переходить к более решительным, целенаправленным атакам.

Александр, тщательно сдерживая истинный масштаб собственных способностей, отвечал на атаки Виктора с расчётливой, нарочито ограниченной эффективностью — достаточной, чтобы избежать реального ущерба, но недостаточной, чтобы продемонстрировать истинную глубину своего мастерства перед потенциально враждебными наблюдателями.

Утомительное упражнение — намеренно проигрывать очевидность собственного превосходства, изображая скромные способности среднего студента. Впрочем, необходимая предосторожность в текущих обстоятельствах.

Однако, спустя несколько минут относительно предсказуемого обмена базовыми заклинаниями, Александр внезапно уловил нечто крайне тревожное — в очередном заклинании Виктора, формально соответствующем разрешённым правилами поединка базовым плетениям, ощущалась едва различимая, но безошибочно узнаваемая примесь куда более опасной, запрещённой энергии.

Проклятие. Слабое, тщательно замаскированное под обычное учебное заклинание, но безошибочно узнаваемое опытным взглядом. Что-то, определённо не входящее в стандартную учебную программу боевой магии.

Реакция потребовала мгновенного, инстинктивного решения — Александр, вместо запланированного заранее сдержанного отражения атаки, был вынужден задействовать куда более серьёзную часть собственных истинных способностей, формируя плотный, многослойный защитный барьер тьмы, способный полностью нейтрализовать скрытую угрозу замаскированного проклятия.

Столкновение двух заклинаний произвело куда более заметный, драматичный эффект, нежели предполагали обычные учебные поединки — яркая вспышка, сопровождаемая характерным потрескиванием магической энергии, заставила остальных студентов, наблюдавших за поединком, отшатнуться в невольном изумлении.

— Довольно! — резко скомандовал магистр Дорн, стремительно приближаясь к поединочному кругу с выражением лица, в котором смешались тревога и, как показалось Александру, некоторая доля тщательно скрываемого разочарования. — Что здесь произошло?

Вопрос, ответ на который требует крайней осторожности — с одной стороны, необходимо разоблачить истинную природу атаки Виктора, с другой — избежать чрезмерного раскрытия собственных способностей перед потенциально враждебным наблюдателем.

— Магистр, — произнёс Александр, стараясь придать своему голосу оттенок искреннего замешательства пострадавшей стороны, — признаться, ощутил в атаке студента Эшвальда нечто, весьма отличающееся от разрешённых правилами базовых плетений. Вынужден был прибегнуть к более серьёзной защите, дабы избежать возможного вреда.

Магистр Дорн обернулся к Виктору с выражением суровой, требовательной настороженности.

— Эшвальд, что вы можете сказать по данному поводу?

Виктор, к некоторому удивлению Александра, продемонстрировал куда более убедительную, отработанную реакцию искреннего недоумения, нежели можно было бы ожидать от юноши, застигнутого за откровенным нарушением правил дуэльного поединка.

— Магистр, я использовал исключительно разрешённые заклинания, в точности соответствующие учебной программе. Признаться, не понимаю, о какой дополнительной энергии идёт речь.

Хорошо отрепетированная ложь — либо Виктор искренне не осознаёт истинную природу использованного им заклинания, что предполагает манипуляцию со стороны более осведомлённого третьего лица, либо он куда более искусный лжец, нежели демонстрировал прежде.

Магистр Дорн, внимательно изучив место поединка с помощью серии диагностических заклинаний, призванных выявить остаточные следы использованной магической энергии, после продолжительной паузы произнёс с явной неохотой:

— Не обнаруживаю явных следов запрещённого плетения, помимо стандартных базовых заклинаний, соответствующих учебной программе. Возможно, — он бросил на Александра взгляд, в котором сквозило нечто похожее на скрытое подозрение, — определённая избыточная реакция студента Дренмора на обычные учебные заклинания.

Ах. Значит, магистр Дорн либо действительно не способен обнаружить искусно замаскированную энергию проклятия, либо, что куда вероятнее, намеренно скрывает истинные результаты диагностики, защищая своего протеже от заслуженного разоблачения.

Поединок был официально прерван без дальнейших последствий для Виктора — исход, оставивший у Александра стойкое, неприятное ощущение того, что первая, тщательно замаскированная попытка причинить ему реальный вред в стенах Академии была успешно предот-

вращена лишь благодаря его собственной бдительности, а не благодаря объективности академического надзора.

Вечером того же дня, поделившись произошедшим инцидентом с Хранителем во время очередной уединённой беседы, Александр получил подтверждение собственных, весьма тревожных предположений.

«Судя по твоему описанию, — произнёс Хранитель после долгого, задумчивого молчания, — использованное заклинание действительно напоминает искусно замаскированное проклятие, способное причинить серьёзный, хотя и не смертельный вред при удачном попадании. Подобная маскировка требует значительного мастерства — маловероятно, чтобы юноша с посредственными способностями, подобный описанному тобой Эшвальду, самостоятельно освоил столь сложную технику».

Значит, — заключил Александр, — Виктор действительно выступил лишь исполнителем, вооружённым заранее подготовленным заклинанием, происхождение которого, полагаю, стоит искать в куда более осведомлённых и опасных кругах — вероятно, у самого магистра Дорна, или, что ещё тревожнее, непосредственно у магистра Ролленда.

«Разумное предположение, — согласился Хранитель. — Тем не менее, подобное развитие событий свидетельствует о весьма тревожной эскалации — противник, судя по всему, перешёл от простого наблюдения к активным попыткам устранения угрозы, пусть пока и замаскированным под якобы случайные учебные инциденты».

— размышлял Александр, — полагаю, время дальнейшего терпеливого, скрытого расследования подходит к концу. Противник начал действовать, а значит, промедление с моей стороны становится всё более рискованной стратегией.

Он поделился произошедшим инцидентом с магистром Крайсом на следующий день, во время очередной конспиративной встречи, вызвавшей у пожилого магистра неподдельную тревогу.

— Это крайне серьёзное развитие событий, молодой Дренмор, — произнёс Крайс, взгляд его выразил искреннее беспокойство. — Использование запрещённых заклинаний в стенах Академии, да ещё и с молчаливого попустительства одного из кураторов, свидетельствует о том, что наше расследование, судя по всему, уже привлекло куда более пристальное внимание, нежели мы предполагали изначально.

— Согласен, — кивнул Александр. — нам стоит действовать с удвоенной осторожностью, но одновременно и с большей решимостью — промедление, судя по всему, лишь предоставляет противнику дополнительное время для подготовки куда более серьёзных мер.

Магистр Крайс долго молчал, обдумывая ситуацию, прежде чем произнести с некоторой долей неохотной решимости:

— в таком случае, полагаю, пришло время расширить круг наших союзников. В одиночку — даже вдвоём — мы вряд ли сумеем противостоять влиянию магистра Ролленда достаточно эффективно. Мне известен ещё один магистр, чья лояльность истинным принципам Ордена не вызывает у меня сомнений — магистр Селена Вейл, куратор факультета целительской магии. настало время посвятить и её в детали нашего расследования.

Расширение круга доверенных союзников — рискованный, но, учитывая нарастающую опасность, необходимый шаг. посмотрим, насколько эта неизвестная мне пока магесса Вейл окажется достойной оказываемого ей доверия.

— Согласен, магистр, — произнёс Александр. — чем больше честных, принципиальных союзников мы сумеем привлечь к данному делу, тем выше наши шансы на успешное разоблачение заговора, прежде чем он успеет нанести куда более серьёзный удар.

За окном кабинета магистра Крайса тем временем сгущались вечерние сумерки, а Александр, покидая кафедру после очередной продолжительной беседы, невольно ощущал нарастающее напряжение приближающегося противостояния — противостояния, масштаб и

опасность которого, судя по всему, значительно превосходили всё, с чем ему доводилось сталкиваться на протяжении первых, относительно спокойных месяцев новой жизни.

Знакомство с магессой Селеной Вейл состоялось спустя два дня, при обстоятельствах, тщательно спланированных магистром Крайсом с учётом возросшей необходимости в конспирации. Вместо привычной вечерней встречи на кафедре, вызывающей всё больший риск быть замеченным после инцидента на тренировочной площадке, магистр Крайс организовал их знакомство под видом случайной консультации по вопросам целительской магии — предлог, вполне уместный для студента, недавно перенёсшего магическое воздействие в ходе учебного поединка.

Кабинет магессы Вейл, расположенный в отдельном крыле лечебного корпуса Академии, разительно отличался от тесной, заставленной книгами кафедры магистра Крайса — просторное, светлое помещение, пропитанное лёгким, успокаивающим ароматом целебных трав, с множеством растений в горшках, расставленных вдоль широких подоконников.

Сама магесса Вейл оказалась женщиной средних лет, с усталыми, но проницательными глазами и той особой, спокойной уверенностью в движениях, что свойственна людям, посвятившим жизнь исцелению страждущих и потому давно утратившим склонность к суетливости или излишней драматичности в поведении.

— Молодой Дренмор, — произнесла она, жестом приглашая его присесть в удобное кресло у окна, пока магистр Крайс тщательно закрывал дверь кабинета, активируя привычное уже Александру плетение, препятствующее подслушиванию, — Эдмунд поделился со мной весьма тревожными подробностями относительно недавнего инцидента на тренировочной площадке. Позвольте для начала убедиться, что вы не понесли скрытого вреда от использованного против вас проклятия.

Заботливая женщина, судя по всему, искренне обеспокоенная моим благополучием, а не просто выполняющая формальные обязанности целителя.

Магесса провела серию диагностических заклинаний — мягких, почти неощутимых потоков целительной энергии, скользнувших по телу Александра с деликатностью, разительно отличавшейся от резких, оценивающих плетений, использованных ранее магистром Дорном на месте инцидента.

— — произнесла она наконец, удовлетворённо кивнув, — явных повреждений не наблюдаю, хотя определённые остаточные следы тёмной энергии в структуре вашей защиты весьма любопытны с профессиональной точки зрения. Признаться, редко доводится наблюдать подобную технику у студента вашего возраста и, судя по официальным документам, весьма скромной изначальной подготовки.

Проницательная женщина — заметила куда больше, нежели следовало бы обычному целителю, ограничивающемуся стандартной диагностикой. Что ж, полагаю, определённая степень откровенности с ней уже неизбежна, учитывая присутствие магистра Крайса и общий контекст нашей встречи.

— Магесса Вейл, — произнёс магистр Крайс, устраиваясь в соседнем кресле с серьёзным, взвешенным выражением лица, — позволь представить тебе не просто пострадавшего от учебного инцидента студента, но и, как я уже упоминал ранее, потенциального союзника в нашем общем деле.

Селена Вейл долго изучала Александра внимательным, оценивающим взглядом, прежде чем произнести медленно, тщательно подбирая слова:

— Эдмунд рассказал мне о твоих подозрениях относительно магистра Ролленда, молодой человек, равно как и о твоей собственной, личной истории противостояния его теневым методам. Признаться, я разделяю обеспокоенность Эдмунда относительно происходящего внутри нашего Ордена уже на протяжении нескольких лет, наблюдая за постепенным искажением

изначальных, благородных принципов, которым я лично присягала при вступлении в наши ряды.

— Признателен за оказанное доверие, магесса, — произнёс Александр с должной степенью почтительности. — Позвольте поинтересоваться — какие именно наблюдения побудили вас разделить обеспокоенность магистра Крайса относительно деятельности Ролленда?

Магесса Вейл тяжело вздохнула, взгляд её на мгновение затуманился воспоминаниями, судя по всему, весьма тягостного характера.

— Целительская магия, молодой Дренмор, обладает одной особенностью, часто упускаемой из виду посторонними наблюдателями — она предполагает глубокое, порой весьма интимное взаимодействие с пациентами, включая доступ к сведениям о состоянии их здоровья, эмоциональном благополучии и, зачастую, скрытым обстоятельствам их жизни, которыми они предпочли бы не делиться в иных обстоятельствах. За годы практики в стенах данной Академии мне довелось врачевать не только физические, но и душевные раны студентов и преподавателей, чьи истории порой раскрывали куда более тревожную картину внутренних интриг Ордена, нежели можно было бы предположить, судя по официальному, благостному фасаду нашей организации.

Ценный источник косвенной, но весьма показательной информации — доступ к скрытым, эмоционально значимым свидетельствам людей, чьи истории иначе остались бы полностью сокрытыми от постороннего наблюдателя.

— В частности, — продолжила магесса, — мне довелось врачевать двоих студентов за последние годы, чьи семьи, подобно упомянутой Эдмундом семье вашей знакомой Изольды Верн, оказались втянуты в систему зависимых, обременённых скрытыми обязательствами назначений, курируемых непосредственно магистром Роллендом. Оба студента демонстрировали явные признаки хронического эмоционального напряжения, связанного, по их собственным, весьма осторожным признаниям, с постоянным страхом за благополучие собственных семей в случае недостаточной покорности требованиям высокопоставленного покровителя.

— Значит, — произнёс Александр медленно, обдумывая услышанное, — масштаб системы принуждения и скрытого шантажа, выстроенной Роллендом, простирается значительно шире, нежели простое кадровое покровительство отдельным провинциальным назначенцам. Речь идёт о полноценной, глубоко укоренившейся структуре эмоционального и психологического давления, затрагивающей не только самих назначенцев, но и их семьи, включая, судя по всему, следующее поколение, обучающееся в стенах данной Академии.

Магесса Вейл мрачно кивнула.

— Именно так, молодой Дренмор. И, подобное осознание масштаба человеческих страданий, скрывающихся за благородным фасадом нашего Ордена, послужило основной причиной моего решения оказать посильную поддержку расследованию, которое ведёт Эдмунд на протяжении последних нескольких лет.

Что ж. Круг союзников расширяется, равно как и понимание истинного масштаба и человеческой цены заговора, с которым мне предстоит бороться. отныне наша миссия обретает не только личный, но и куда более широкий, принципиальный характер — противостояние системе эксплуатации и принуждения, затрагивающей судьбы множества невинных людей, вне зависимости от их непосредственной связи с моей собственной историей.

— Магесса Вейл, — произнёс Александр, поднимаясь с кресла в знак завершения встречи, — благодарю за оказанное доверие и предоставленные сведения. с вашим участием наше общее дело обретает не только дополнительный источник ценной информации, но и куда более прочную моральную основу.

— Будьте осторожны, молодой человек, — произнесла магесса на прощание, взгляд её выразил искреннюю, материнскую заботу, весьма неожиданную для столь краткого знакомства. — Судя по инциденту на тренировочной площадке, противник, с которым вы решили тягаться,

не остановится перед прямым причинением вреда, если сочтёт это необходимым для защиты собственных интересов.

Разумное предостережение, магесса. Хотя, противник, о котором вы говорите, даже не подозревает в полной мере, с кем именно ему довелось столкнуться на этот раз.

Покидая лечебный корпус поздним вечером в сопровождении задумчивого, погружённого в собственные размышления магистра Крайса, Александр невольно ощущал растущее чувство ответственности — расследование, начатое как личное дело мести и самозащиты, постепенно приобретало куда более широкий, значимый масштаб, затрагивающий судьбы множества людей, о существовании которых он ещё месяц назад не имел ни малейшего представления.

дорогой магистр Ролленд. Похоже, вы наконец соизволили обратить на меня достаточно пристальное внимание. Признаться, я ожидал этого момента с определённым нетерпением — пришло время выяснить, насколько ваша хвалёная власть и влияние способны выдержать испытание терпеливым, методичным противостоянием того, кто за тысячу лет успел повидать куда более грозных противников, нежели скромный, амбициозный магистр провинциального королевства.

Глава 5. Тень из прошлого

Письмо от Марты пришло спустя два месяца после начала обучения в Академии — конверт, доставленный курьерской службой, специализирующейся на почтовых сообщениях между столицей и отдалёнными провинциями, с фамильной печатью рода Дренмор, оттиснутой на плотной, дорогой бумаге.

Странно. Марта редко пишет мне напрямую — обычно любые сведения о делах поместья передаются через официальную переписку с дедом. Что-то, судя по всему, вынудило её нарушить привычный порядок.

Александр вскрыл конверт с нарастающим предчувствием недоброго — интуиция, отточенная тысячелетним опытом распознавания надвигающихся неприятностей, редко подводила его в подобных вопросах.

«Молодой господин, — гласило письмо, написанное аккуратным, хотя и слегка дрожащим почерком, — простите за дерзость обращаться к вам напрямую, минуя обычный порядок переписки, но обстоятельства, полагаю, требуют безотлагательного вашего внимания. Здоровье вашего деда за последние недели значительно ухудшилось — лекари, вызванные из города, высказывают весьма тревожные прогнозы относительно оставшегося ему времени. Он настаивает на том, чтобы я не сообщала вам подробностей, дабы не отвлекать от учёбы, но, моя совесть не позволяет мне полностью следовать этому распоряжению».

Значит, дед, судя по всему, действительно приближается к неизбежному концу — обстоятельство, которое, при всей его печальной неизбежности, требует определённого стратегического осмысления с моей стороны.

Александр отложил письмо, погружаясь в непривычно тяжёлые для его обычно холодного, расчётливого разума размышления. Смерть, разумеется, была для него явлением, изученным и понятым куда глубже, нежели для большинства смертных — тысяча лет практики некромантии и манипуляции жизненной энергией не оставляли места для наивного страха перед неизбежным переходом в иное состояние бытия. И тем не менее, предстоящая кончина деда — человека, оказавшего ему искреннюю, бескорыстную поддержку в самый трудный момент новой жизни, — вызывала в нём чувства, куда более сложные и противоречивые, нежели простое философское принятие неизбежности смерти.

«Ты выглядишь погружённым в необычно мрачные размышления, — заметил Хранитель, беззвучный голос которого прозвучал с непривычной для него мягкостью. — Известие о состоянии здоровья твоего деда?»

Да, старина, — подтвердил Александр мысленно. — Признаться, за минувшую тысячу лет мне довелось наблюдать бесчисленное множество смертей — врагов, союзников, случайных свидетелей моих деяний. И тем не менее, известие о приближающейся кончине этого конкретного человека вызывает во мне куда более острые, непривычные чувства, нежели простое философское принятие неизбежного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.